АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД

РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

Brockelmann. Prof. D-r C. **Geschichte der arabischen Litteratur** von —. Erster und zweiter Supplementband, Leiden, E. J. Brill, 1937—1938, 8°, XIX, 973.

В области арабистики, как и всех связанных с нею литератур и дисциплин, едва ли не крупнейшим событием за 1936 г. явилось начало выхода в свет дополнительных томов к известной «Истории арабской литературы» К. Брокельмана. Появление ее на рубеже XX в. составило несомненную эпоху в науке; встреченная вначале несколько суровой критикой, в законченном виде она оказалась совершенно необходимым и незаменимым пособием. Можно смело сказать, что нет ни одного арабиста, который сумел бы в настоящее время обходиться без нее; в известной мере это надо распространить на иранистов, туркологов, гебраистов и вообще всех, причастных к изучению Ближнего Востока, кому приходится в той или иной мере пользоваться арабскими материалами или восходить к арабским источникам. Целые поколения ученых, начиная с конца XIX в., в буквальном смысле учились и росли на этой книге, которая сопровождала их всю жизнь. Ее влиянием надо объяснить, что первое десятилетие XX в. сразу выдвинуло ряд общих обзоров истории арабской литературы (самого Brockelmann'a, Huart'a, Pizzi, Nicholson'a, Goldziher'a, Крымского, позже Gibb'a); книга, действительно, открыла новую эру в своей области. Она настолько стала нам привычной, что иногда даже трудно себе представить, как можно было работать, когда не существовало книги Brockelmann'a.

Однако и наука и жизнь идут вперед: нельзя забывать, что первый том ее вышел в 1898 г., второй — в 1902 г. Истекший период был особенно богат в области арабистики. Появился целый ряд новых каталогов рукописей, притом не только западных собраний, но и восточных. Более и более углубляющееся изучение стамбульских хранилищ почти во всех областях приносит неожиданные открытия и заставляет иногда совершенно менять считавшуюся установленной картину; в сферу изучения входят такие области письменности, на которые раньше не обращали внимания. Колоссально возросло количество впервые публикуемых источников, причем и в этом направлении усиленную деятельность за последние десятилетия стали проявлять арабский Восток и Индия. Среди этих новых изданий особенно надо отметить группу иногда многотомных биографических словарей, нередко доставляющих исключительный по важности материал историко-литературного характера. В связи с ростом источников шел рост монографических исследований и отдельных статей по самым разнообразным областям арабской письменности, иногда впервые привлекаемым к изучению. Надо, наконец, вспомнить, что новая арабская литература, едва начинавшая пробовать свои силы в те годы, когда выходило первое издание книги Brockelmann'a, за последнюю четверть века развернулась пышным цветом и потребовала к себе специального внимания, вызвав целый ряд работ в Европе, широко развив издательскую деятельность у себя на родине. Понятно, что при таких условиях потребность в различных дополнениях к книге Brockelmann'a за последние годы росла все сильнее и сильнее.

Лицам, знакомым с автором, было известно, что осуществление второго издания невозможно в силу особых обязательств, связанных с условиями первого издания. Поэтому все заинтересованные в успехах арабистики с особенной радостью могли узнать, что в феврале 1936 г. известной фирмой E. J. Brill в Лейдене было разослано сообщение о подписке на дополнительные тома; издание могло осуществиться уже при скромной цифре ста подписчиков. Не приходится удивляться, что это число было быстро превзойдено и дошло до четырехсот; в начале марта были разосланы извещения, что издание начато и первый выпуск выйдет в мае. И здесь срок оказался опереженным: подписчики получили выпуск еще в апреле.

Задумано издание в широком масштабе, достойном и автора и издательства, которому востоковедение многим обязано и за последние годы (достаточно напомнить хотя бы заканчиваемую Энциклопедию ислама и монументальный конкорданс к хадисам); рассчитано оно было на 25 выпусков, по 4 печ. листа в каждом, с окончанием приблизительно в два года; цена выпуска по подписке два голландских гульдена. Общий объем дополнительных томов (100 печ. листов — 1600 страниц), таким образом, должен был превзойти основное издание, которое содержит 1242 стр. (пер-

вый том — 528, второй — 714); это превышение в известной части падет на распространенные указатели ко всей работе, которые должны будут включить полностью и весь материал основного издания (указатели в нем занимали только 176 стр.). Фактически эти размеры оказались значительно превзойденными, и два первыхт ома (без третьего и указателей) заняли более 2000 страниц.

Вышедшие выпуски говорят со всей определенностью, что дополнительные тома составят такую же эпоху в науке, как в свое время основные. Конечно, выход второго издания, в котором весь материал был бы переработан в едином изложении, казался бы более простым и желательным. Однако автор сделал все возможное, чтобы облегчить пользование дополнениями. Принятая им система достаточно наглядна, но не избавляет от необходимости обращаться и к основному изданию.

От этого издания автором сохранено неизмененным общее распределение материала как в смысле отделов, так и хронологической последовательности; характер же приводимых дополнений очень разнообразен и создает в изложении естественно очень неоднородную картину. Иногда целые отделы перерабатываются заново и, по существу, дают второе издание соответствующих частей книги. Не менее часто в сохраняемых отделах появляются новые абзацы, а иногда и совершенно новые отделы (для примера можно отметить во втором выпуске отдел о возникновении псевдо-алидской литературы, о прозе эпохи омейядов, общую характеристику аббасидской поэзии). В основном же дополнения идут по линии включения новых имен поэтов и авторов, число которых возрастает в несколько раз сравнительно с первым изданием; главный упор, как и раньше, делается на полноту биобиблиографических сведений о них и об их сочинениях. О фигурировавших раньше авторах эти библиографические дополнения доводятся, можно сказать, до последних дней.

Кроме нового материала и различной переработки, можно заметить в дополнительных томах и некоторые принципиальные отличия сравнительно с основным изданием, вызванные развитием науки. В изложении дается большое количество ссылок на первоисточники по отдельным детальным пунктам, которые почти совершенно отсутствовали раньше. Кроме появления за это время новых материалов и новых изданий, объясняется это и всесторонней начитанностью автора, который внимательно штудировал вновь появляющуюся литературу в течение четырех десятков лет. Благодаря такому непосредственному привлечению первоисточников, некоторые отделы приобретают характер, совершенно необычный для первого издания; они являются зародышем научной монографии и исследования по отдельным вопросам или отдельным авторам, которые уже нетрудно было бы превратить в большую работу. Эта система особенно полезна для начинающих работников, которые легко могут видеть, какие темы актуальны в настоящий момент в науке, и даже каковы могут быть главные линии их исследования.

Вторым принципиальным отличием сравнительно с основным изданием является другое отношение к современной арабской литературе, вызванное тоже естественным ходом жизни. В своем проспекте автор справедливо отмечает, что, когда он выпускал свою «Историю арабской литературы», новая арабская литература почти не существовала. За сорок лет положение в корне переменилось — она выросла и количественно и качественно, появились специальные работы о ней. Последний отдел истории литературы будет поэтому совершенно переработан и вся художественная продукция найдет себе в нем должное отражение. Из вышедших выпусков, однако, видно, что автор не ограничил свою задачу одной только художественной литературой: он обратил серьезное внимание и на современную арабскую историю литературы и критику, которую систематически привлекает как по общим вопросам, так и по частным. Известная работа Т. Хусейна, напр., часто цитируется им в различных отделах, посвященных поэзии; уделено внимание критическим взглядам современного поэта Аҳмеда Абӯ Шāдӣ, почти исчерпывающе даются библиографические указания на работы, часто помещенные в виде статей в арабских журналах, бейрутского историка литературы Ф. ал-Бустāнӣ. О тщательности и богатстве привлеченного материала можно судить по одному частичному примеру. Давая список общих обзоров истории арабской литературы, на этот раз он не ограничивается европейскими, но приводит и современные арабские курсы и очерки. Совершенно естественно, не все они заслуживают положительной оценки, но для общей характеристики литературного движения картина получается полная. Автор указывает (стр. 12—13) двадцать три названия; из них рецензенту, считающемуся специалистом по новой арабской литературе, доступны только семь. Одно это сопоставление ясно говорит о количестве материалов, привлеченных Brockelmann'ом даже и в этой области. В его работе уже оправдалось то положение, которое я выдвигал несколько лет тому назад, говоря, что в настоящее время при разработке новоарабской литературы нельзя ограничиваться европейской научной литературой, а необходимо в такой же мере считаться с работами современных арабских ученых (ЗИВ, III, 1935, стр. 179).

В параллель к этому интересно отметить еще одну сторону нового труда, которая имеет уже непосредственное отношение к нам: большое внимание и систематическое привлечение русской научной литературы. Оно распространяется на все области печатной продукции за последние 40 лет. Использованы новые каталоги рукописей

б. Азиатского музея (в частности, коллекции, собранной на кавказском фронте, и так наз. бухарской), систематически отмечены сколько-нибудь значительные рецензии в ЗВО и ЗКВ, указаны мелкие статьи из «Докладов Академии Наук» и т. д. Важно подчеркнуть, что автор не ограничился только приведением заглавия работы в соответствующем отделе (западные ученые, вероятно, не очень будут ему благодарны за то, что он приводит только транскрипцию русского заглавия, не давая его перевода); видно, что работы читались им и он обращал внимание даже на отдельные детали, умело привлекая их в нужных случаях (см., напр., стр. 30, прим. 2, где речь идет о поэте ал-Ваддāхе с указанием материала в двух русских работах).

Осуществление такого громадного свода силами одного человека возможно только потому, что он начал работу над ним молодым человеком (нельзя забывать, что первый том «Истории арабской литературы» вышел тогда, когда автору было всего 30 лет) и продолжал трудиться над ним неустанно почти 40 лет. Наука росла вместе с ним и только в процессе такого роста можно было ее охватить. Неизбежная дифференциация научных областей и колоссальное увеличение печатной продукции ведут к тому, что в будущем такие предприятия станут возможны только при условии коллективной, очень налаженной работы.

Грандиозные масштабы свода, составленного Brockelmann'ом, уже сами по себе говорят, что, как и в основном издании, в нем неизбежны всякие пропуски и недоразумения. Можно с уверенностью a priori сказать, что поправки будут необходимы почти к каждой странице при монографическом ее изучении. Однако именно это обстоятельство говорит о грандиозности идеи и героизме ее выполнения. A priori ясно — и просмотр это подтверждает, — что если при малой доступности на Западе русской литературы возможны в ней пробелы, то другим славянским литературам автор не мог уделить того углубленного внимания, которое он направил на русскую; поэтому, естественно, в более бедных количественно областях польской, чешской или сербской арабистики заметны более значительные пропуски. Отсутствие в арабских странах систематической библиографии позволяет серьезно работать над литературой по существу только на месте, и, конечно, соответствующие части дополнений Brockelmann'а заранее обречены на известную неполноту. При объеме работы не все упоминаемые им произведения он мог изучать de visu, и на этой почве вкрались и неточности и прямые недоразумения. Таким образом ясно, что с первого же дня пользования «дополнительными томами» к ним начнут расти дополнения и поправки. И тем не менее, всякому, имеющему представление об истории арабской литературы, ясно, что новый труд составит в науке такую же эпоху, как в свое время основное издание. Настоящее поколение арабистов должно чувствовать себя счастливым, начиная работу при наличии «дополнительных томов», а не одного основного издания, как в свое время мы.

Август 1936 г. *И. Крачковский*

Джебрāн Х̣алиль Джебрāн. Х̣айāтуху, маутуху, адабуху, фаннуху. Бейрут, 1934, 8°, IV, 310. Т а ' л ī ф М и х ā ' ī л ь Н у ' а й м е. (Дж. Х̣. Джебрāн. Его жизнь и смерть, литературное и художественное творчество. Сочинение М. Ну'айме).

Вышедшая недавно книга М. Ну'айме о Дж. Джебрāне является крупным событием и в истории новой арабской литературы и в самой литературе: она одинаково интересна как характеристика героя и автора. Джебрāн Х̣алīль Джебрāн (1883—1931) был, как известно, главой и в значительной мере создателем так наз. сиро-американской школы. (См. теперь Brockelmann, GAL, III. Supplementband, 457—471.) Талантливый художник, в Америке он был популярен и своими английскими произведениями и картинами; в арабских странах его известность стала быстро расти ко времени мировой войны и постепенно захватывала даже такие страны, как Хиджаз и Тунис, где нашлись его восторженные почитатели и подражатели. С его смертью роль сиро-американской школы можно считать сыгранной; она утратила свой основной связующий центр. Амīн ар-Рейх̣анī в жизни ее не играл такой организующей роли; кроме того, с 20-х годов он вернулся в Сирию и его творчество пошло в значительной мере по другим линиям (ум. в 1940 г.). Через год после смерти Джебрāна вернулся на родину его ближайший помощник за последние пятнадцать лет, известный критик, писатель и поэт М. Ну'айме. (О нем см. Brockelmann, op. cit., III, 472—477.) Если в Америке осталось немало даровитых литераторов и журналистов, то среди них в данный момент нет такой фигуры, которая пользовалась бы во всем арабском мире той степенью признания, как упомянутые уроженцы Ливана.

Ну'айме имел совершенно исключительные данные для составления книги о Джебрāне. Его литературная биография хорошо нам известна в его собственном изложении (она опубликована в английском оригинале в «Die Welt des Islāms», XIII, 1931, 104—110); особое значение для нас приобретают слова о влиянии русской литературы и впечатления от России, вынесенные им со школьной скамьи (и в Назарете и в Полтаве). В 1911 г. он переселился в Америку, а в 1912 начал свою литературную деятельность критической статьей о вышедшей незадолго перед тем повести Джебрāна «Сломанные крылья». С 1916 г. на почве общих литературных интересов и предприятий их объединила близкая дружба, не омрачавшаяся до смерти Джебрāна.

В предисловии автор изложил свои колебания, которые ему пришлось побороть, выпуская эту книгу. Он чувствовал, что написать «историю» Джебрāна в настоящее время невозможно: для этого нужна другая перспектива и иная эпоха. Мало того, вспоминая о нем теперь, приходится открывать многие «секреты» его жизни, говорить о многих живых людях, которые играли важную роль в его судьбе.[1] Большим облегчением послужило то, что у некоторых из них Нуʿайме встретил полное сочувствие и получил разрешение опубликовать различные связанные с ними данные. Невольно ему приходилось говорить много о себе, особенно за последние десять-пятнадцать лет, когда их жизни тесно переплелись. Все эти колебания были окончательно преодолены в 1932 г., когда, вернувшись в Сирию и побывав на могиле Джебрāна, Нуʿайме мог убедиться, что около его личности уже сложилась легенда, совершенно искажающая действительный облик. Все же он решил дать не «историю» Джебрāна, не его настоящую биографию, а только картину его жизни. Если бы можно было воспользоваться сравнением, то в качестве параллели здесь невольно вспоминаются книги Пурталеса о Шопене или, особенно, Верфеля о Верди.

Задача, поставленная автором, выполнена блестяще: перед читателем действительно встает живой Джебрāн, и едва ли в обширной литературе о нем найдется хоть одно произведение даже малого масштаба, которое давало бы такую яркую картину. Этот живой Джебран далеко не идеален, и создавших себе его легендарный образ он может быть несколько разочарует. Но здесь мы его видим в реальной обстановке, во все периоды его жизни и только при таком понимании можем должным образом оценить все его произведения и общую линию их развития. В этой книге он проходит перед нами во все эпохи внутреннего роста; освещение некоторых этапов приобретает иногда совершенно исключительное значение и по четкости, и по глубине, и по документальности. Едва ли кто-нибудь, помимо автора, располагал такими сведениями о зарождении и истории литературного объединения «ар-Рабита ал-ḳаламиййа», главного центра сиро-американской школы. Для нас интересно подчеркнуть то обстоятельство, что из пяти членов-основателей его трое (М. Нуʿайме, Н. ʿАрāда и ʿА. Х̣аддāд) были питомцами русской школы в Палестине и взгляды их в значительной мере сложились под влиянием русской литературы. Трогательно звучит, что и сам Джебрāн, не знавший русского языка, в арабских письмах величал своего друга «Мāшā».

Книга состоит из ряда отдельных художественных картин в виде бóльших или меньших глав, часто выливающихся в самостоятельные повести-новеллы. (Некоторые из них и печатались до выхода книги отдельно в арабских журналах.) Объединяет их, кроме личности героя, еще рамка, в которую вставлена вся биография. Автор был вызван к Джебрāну в больницу в последние его минуты. Оставаясь при нем в часы тяжкой агонии, он мысленным взором окинул всю его жизнь. Картиной агонии открывается книга, смертью заканчивается; все прочее как бы образы и видения жизни Джебрāна, которые проходят в воображении сидящего у больничной койки автора. Вся книга в основной части (260 страниц) разбита на три больших отдела с трудно переводимыми заглавиями (Проблеск света, Рассвет, Заря): жизнь героя рисуется как постепенная подготовка к чему-то важному и основному, что неожиданно выразилось в смерти. Подзаголовки иногда вскрывают реальные этапы жизни: «Видения Бшарре» переносят нас в период раннего детства на Ливане с симпатичной, но неприспособленной к жизни фигурой отца, фантазера и гуляки, с безответной, кроткой матерью — типом ливанских крестьянок второй половины XIX в. «Видения Бостона» открывают нам уже картины Америки, куда перебралась вся семья, кроме отца. Проходят сцены раннего развития, первые проблески художественного дарования, первые житейские увлечения еще мальчика. Несколько слабее обрисован Бейрут с годами в средней школе, быть может, оттого, что он отражен в повести Джебрāна «Сломанные крылья». Ярко встает Париж, когда с настойчивой силой начинает влечь к себе живопись. Известие о болезни любимой сестры прерывает течение жизни здесь и торопит в Америку. В живых сестру Джебрāн не застает, начинается тяжелая и мрачная полоса жизни: умирают мать и брат все от той же чахотки, бича сирийцев, покидающих родину. Как раз около этого периода устраивается первая выставка картин Джебрāна, меняющая его судьбу. Он получает пожизненную пенсию от американской меценатки и для продолжения художественного образования едет опять на ряд лет в Париж. По возвращении оттуда жизнь его заполняется художественной и литературной деятельностью: достатка нет и временами материальные затруднения обостряются, однако на первом плане все время стоят вопросы творчества, муки неудовлетворенности и неустанное искание новых путей в литературе и живописи. Этот период особенно ярко отражен в книге М. Нуʿайме, так как весь проходил на его глазах. История всех его литературных произведений здесь оживляется: иногда отрывки из них вкрапливаются в изложение

[1] Отрицательно к расспросам Нуʿайме о «секретной» истории Джебрāна отнеслась близко его знавшая Barbara Young, автор книжки «A Study of Kahlil Gibran, this Man from Lebanon» (New York, 1931). См. Ф. Бустāнӣ в журнале ал-Машрик̣ 37, 1939, 267—268, и ср. упоминание направленной против него книги Ф. Фāриса у Broskelmann'a, op. cit. III, 471.

и расцвечивают его яркими красками. Важным моментом является организация и деятельность упомянутого уже литературного объединения «ар-Рāбиṭа ал-ḳаламиййа» с его будничной и принципиальной работой, с его вспыхивающими иногда юмором отдельными моментами.

Таков стержень книги М. Ну'айме, но это только стержень: всего же богатства ее, и фактического и литературного, в краткой заметке объять нельзя. Она заслуживает и специальной монографии и перевода на европейский язык. Конечно, нельзя отрицать, что по своему изяществу и тонкости это книга для немногих, но она дает очень много, а главное, лучше всяких отвлеченных рассуждений говорит о развитии и будущем современной арабской литературы. В истории этой литературы и герой книги и ее автор забыты не будут.

В приложении к книге (стр. 263—307) дан ряд писем Джебрāна к автору, несколько относящихся к его последним годам документов и литературных материалов, в числе которых последнее неопубликованное произведение (стр. 293—301). Украшена книга серией портретов Джебрāна и его друзей, несколькими снимками с его картин и видом его могилы на Ливане.

Август 1936 г. *И. Крачковский*

АНГЛИЙСКИЙ ПЕРЕВОД ИСТОРИИ ТИМУРА ИБН 'АРАБШĀХА

Произведение Ибн 'Арабшāха, автора периода упадка арабской литературы (1389—1450), написанное около 1436 г., хорошо известно и историкам тимуровской эпохи и исследователям арабской историографии и художественной литературы.[1] Уже в XVII в. знаменитый Golius дал издание текста (1636), предназначенное, главным образом, для учебных целей; Ибн 'Арабшāх оказался, таким образом, вторым после ал-Макīна (1625) арабским историком; с которым Европа могла ознакомиться в печатном виде. Перевод, подготовленный Golius'ом, не увидел света;[2] историкам текст стал доступен во французском, мало удовлетворительном пересказе Vattier (1658). Материалы ряда голландских ученых использовал Manger,[1] давший новое издание с латинским переводом (1767—1772). Слава памятника как художественного произведения стояла в Европе с XVIII в. очень высоко[2] и некоторыми учеными (Warner, Jones) он ценился не ниже Корана; в 1784 г. вышел даже специальный словарь (Willmet) к Корану, маḳāмам ал-Ḥарīрī и биографии Тимура Ибн 'Арабшāха.

XIX век принес ряд изданий арабского текста в Калькутте и Каире.[3] Эти издания представляли некоторый прогресс сравнительно с текстом, опубликованным Manger'ом, главным образом в том смысле, что они обращали внимание на систематическое разделение рифмованной прозы сочинения и этим самым помогали правильному синтаксическому пониманию фраз; лучшим является калькуттское издание 1818 г., основанное на четырех рукописях и полностью огласованное. Проредактировано оно известным южноарабским литератором начала XIX в. Аḥмедом ал-Йеменī аш-Ширванī, работавшим в Индии.[4]

Вообще же, как это ни странно, несмотря на большое сохраняющееся внимание к Ибн 'Арабшāху как к историку, изучение его текста с филологической точки зрения в Европе остановилось на уровне XVIII в. Критического издания его до сих пор нет и если отсутствие его может быть объяснено значительным количеством восточных публикаций, то приходится помнить, что стиль Ибн 'Арабшаха по своей сложности и вычурности доступен даже далеко не всем историкам, владеющим в обычном размере арабским языком: единственным пособием для

[1] Основные био-библиографические данные о нем см.: Brockelmann, GAL, II, 28—30 и SB, II, 24—25. — Pedersen, EI, II, 385. — Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen. Leipzig, 1927, 20—23. — Sarkis. Dictionnaire, 173. — А. Крымский. Новый энциклопедический словарь, XVIII, 914.

[2] Упоминание некоторых авторов (Brokkelmann, Крымский) о его издании основано на недоразумении: о судьбе этого перевода, оставшегося в рукописи, см. Schnurrer. Bibliotheca arabica. Halae, 1811, 134. — W. M. C. Juynboll. Zeventiende - eeuwsche Beoefenaars van het Arabisch en Nederland. Utrecht, 1931, 151. Необоснованным мне кажется и упоминание о переиздании J. Meier'a в Оксфорде в 1703—1704 г. (Brockelmann, Babinger); источники говорят только о приобретении им рукописного перевода Golius'a в 1703 г. (Schnurrer, Juynboll) и никакой речи об издании нет ни в них, ни в каталоге книг Британского Музея.

[1] Перевода Golius'a он уже не мог разыскать (предисловие, I, II).

[2] Интересно отметить, что и турецкий перевод Ибн 'Арабшāха был издан в Стамбуле еще в 1142 (1729—1730) г. См.: F. Babinger. Stambuler Buchwesen im 18. Jahrhundert. Leipzig, 1919, 14.

[3] Наиболее полный перечень изданий дан Babinger'ом (Die Geschichtsschreiber der Osmanen, l. c.); упоминание у Sarkis'a (op. cit.) под вопросом стамбульского издания 1233 г. основано на недоразумении: речь идет о калькуттском издании 1818 (= 1233) г.

[4] Ср.: Brockelmann, GAL, II, 502, № 1 и SB, II, 850—851. Sarkis. Dictionnaire, 1120—1121. Отдел о нем у Муḥаммеда ибн Забāры ал-Йеменī (Найл алватар, I, Каир, 1348, 212—215) дает слишком мало фактических данных.

них попрежнему остается перевод Manger'a, между тем арабская филология за два века немало двинулась вперед, и то, что могло удовлетворять современников Manger'a, едва ли удовлетворит нас. Приходится не забывать и того, что выполненный по своему времени добросовестно перевод с примечаниями уже в момент своего появления не всеми арабистами был признан стоящим на большой высоте: в частности, не очень одобрительно к ним относился Reiske, читавший издание вскоре после его выхода со своим учеником Schnurrer'ом.[1]

При таких условиях понятно, что выход в свет нового перевода [2] должен представить особый интерес и для историков и для арабистов, тем более, что на заглавном листе как бы подчеркивается его связь с арабским оригиналом. К сожалению, переводчик в своем кратком предисловии не счел нужным указать, каким изданием арабского текста он пользовался, а одна фраза наводит даже на мысль, играл ли у него первенствующую роль арабский оригинал: он говорит (стр. XVIII): «Throughout I have used freely Manger's annotated Latin version of Ibn Arabshah». При сличении очень быстро выясняется, что никакими другими источниками, кроме работы Manger'a 1767—1772 гг., для своего перевода он не считал нужным руководствоваться.

Об этом прежде всего говорит повторение тех же пропусков и недоразумений, которые имеются у Manger'a ,хотя избежать их не составило бы особого труда. В конце главы XLV Sanders (стр. 79) говорит: «There is a gap in the Mss», повторяя фразу Manger'a (I, 383): «Desunt reliquia hujus Capitis in Mss». Если бы он дал себе труд проверить это замечание по любому изданию (напр. каирскому 1285 г., которым я пользуюсь и в дальнейшем), то увидел бы, что никакого пропуска нет, а, наоборот, в издании Manger'a в конце главы по недоразумению попала половины фразы, не относящейся к ней.[3] Следуя за своим источником, Sanders (стр. 146) пропускает в переводе фразу, помещенную Manger'ом (II, 77, прим. 8) в примечание. Сличение с каирским изданием (стр. 109) показывает, что она относится к основному тексту и не может быть опущена; подтверждается это и ссылкой Френа на две рукописи (Manger, II, 78).

Не привлекая других изданий (не говоря уже про рукописи), переводчик ставит себя в полную зависимость от латинского перевода Manger'a и оказывается не в состоянии исправить простейшие погрешности, хотя они сразу ясны при взгляде на его же арабский текст. Для начала остановимся на датах и собственных именах, приобретающих особое значение в историческом труде.

На стр. 137 указывается дата «on the eleventh day of the second month Rabia», где переводчик следует Manger'y (II, 27): «die undecimo mensis Rabiae posterioris». Текст (II, 26: يوم الاحد العاشر من شهر ربيع الاخر) сразу показывает, что надо перевести: «в воскресенье десятого раби' II». Тремя страницами раньше разница оказалась существеннее: Sanders (стр. 134) указывает: «on the tenth of the second month Rabia», как и Manger (II, 13): «die decimo mensis Rabiae posterioris». На самом деле в тексте (II, 12) в невозможной конструкции عشرة شهر ربيع الآخر вм. عشرة надо читать غرّة, т. е. «первого раби II», как дается и в египетском издании (стр. 101) и Френом. Переводчик не задумался даже над тем, что ход событий требовал промежутка времени не в один день, который предоставлен по его переводу.

С собственными именами дело обстоит не лучше. Ограничусь тоже только некоторыми примерами. На стр. 147 у Sanders'a появляется некий Abdul Jabar son of Abdul Jabar Rahman (как и у Manger'a, II, 80—81). Конечно, даже при элементарном знакомстве с мусульманской ономастикой ясно, что такое имя невозможно, и в каирском издании (стр. 110) стоит правильно 'Абд ал-Джаббар ибн-ан-Ну'мāн. В данном случае Sanders'у, однако, не было необходимости обращаться к другому изданию и достаточно было прочитать свой собственный перевод двумя страницами ниже (стр. 149= =Manger, II, 90—91), где то же лицо — близкий к Тимуру известный среднеазиатский ученый — называется правильно. Несмотря на это, в указателе (стр. 334) он превращен в три различных фигуры: Abdal Jabar, Abdaljabar и Abdal Jabar Rahman! На стр. 55 попадается местность Zulistan, оказывающаяся последним словом в указателе (стр. 341). Возникла она, конечно, под влиянием неисправного чтения Manger'a (I, 59): в виду имеется Забулистāн, как и дает каирское издание (стр. 44). Особенная неудача постигает турецкие имена, которые и для Sanders'a оказываются так же неясны, как для Manger'a: у последнего фигурирует, напр., «fil. Tega-

[1] Chr. Fr. Schnurrer. Bibliotheca arabica. Halae, 1811, 136: Latina etiam versio haud multum probata Reiskio. Annotationes denique, neque copiosae, neque permultae lectionis, haud multum faciunt ad illustrandum scriptorem praeprimis difficilem.

[2] Tamerlane or Timur the great Amir. Translated by J. H. Sanders. From the Arabic Life by Ahmed ibn Arabshah. London (Luzac and C°), 1936, 8°, XVIII + 341.

[3] Это подтверждается и ссылкой Френа на три рукописи Ибн 'Арабшāха, имеющейся в экземпляре издания Manger'a, который принадлежит Институту востоковедения Академии Наук (XV 2/36; теперь хранится в рукописном отделе). Об этом драгоценном экземпляре будет речь в конце заметки; все ссылки на Френа в дальнейшем даются по нему.

naei» (II, 13) и у Sanders'a «son of Taghani» (стр. 134). Правильное чтение каирского издания (стр. 100), равно как и приписки Френа, говорит, что мы имеем турецкое имя طغاى (без нūна, как у Manger'a). Некоторые недоразумения с именами носят, если можно так выразиться, наивный характер: и в переводе (стр. 136, 152) и в указателе (стр. 340) часто появляется Tunbagha (ср. Manger, II, 18). Объясняется это тем, что в турецком имени التونبغا переводчик слог *ал* принимает за определенный арабский член. Нечего и говорить, что при передаче имен Sanders совершенно не считается с рифмой: у него появляется valley of Al Tim (стр. 142), хотя если не знакомство с географией Сирии, то соседние рифмы الغيم и الأيم (Manger, II, 54—55) могли бы подсказать, что речь идет об известной Вадй-т-Тайм.

Если от имен и дат перейти к самому тексту, положение оказывается тем же: всюду заметна полная зависимость от латинского перевода без какого бы то ни было внимания к арабскому оригиналу. Иногда и латинский перевод читается небрежно: обычное выражение لمع الصباح 'блеск зари' Sanders (стр. 137) переводит вдруг «splendor of gold», очевидно прочитав у Manger'a (II, 24—25) вместо стоящего там «splendorem Aurorae» — auri. Без всяких исправлений повторяются все недоразумения Manger'a, для образца которых ограничусь рядом примеров.

Стр. 137: «cried in their trouble» = Manger, II, 27—28: «clamabant in angustia». Надо (وينادون ... فى الازقّة): «и кричали на улицах».

Стр. 140: «Then Sultan Hussein, son of the sister of Timur, showed his hidden purpose» = Manger, II, 40—41: «Tum manifestavit Sultan Hussein, filius sororis Timuri, aegrimoniam quam hucusque abdiderat de stato suo». Надо (ثم ان سلطان حسين وهو ابن اخت تيمور اظهر انه خامر[1] على خاله): «Затем султан Хусейн, сын сестры Тимура, выказал, что он раздражен против своего дяди».

Стр. 144—145: «. . . that my life has been extended and by Allah! that I have lived long enough to see this man, who is truly a king» = Manger, II, 68—69: «. . .quod mihi aetas mea producta sit, ac, per Deum! eo usque vixerim, donec viderim hunc, qui vere rex est». Надо (اذا[2] امتدّ بى زمانى و منّ الله علىّ بأن احيانى حتى رايت من هو الملك على الحقيقة): «. . . что продлилось мое время и Аллах оказал мне милость, сохранив живым, так что я увидел, кто царь поистине».

[1] Каирское издание дает вариант: خالف.

[2] Каирское издание приводит лучшее чтение: إذ

Стр. 145: «. . . but in his heart evils and heavier matters were turning, which presently broke forth» = Manger, II, 74—75: «. . . sed in ipsius pectore mala et graviora negotia agitabantur, qui mox eruperunt». Надо (وفى خاطره شرور وامور تمور فساروا وقد حاروا): « . . . а в уме у него зло и другие дела шевелились. Они же ушли в смятении».

Стр. 149: «Most of his learned contemporaries in Transoxiana counted him as their head and consulted him in questions which they raised» = Manger, II, 90—91: «Plerique eruditi ipsius coetanei in Transoxiana eum pro capite habebant, atque ab eo referebant questiones, quas instituebant». Надо (و اكثر علماء عصره بما وراء النهر قرأ عليه الفروع و نقل عنه مسائل الشروع[1]): «Большинство ученых его времени в Мавераннахре изучали под его руководством науку о „ветвях" (права) и передавали с его слов вопросы права».

Стр. 144: «This man is not one of them» = Manger, II, 64—565: «hicce vir non est ex his». Надо (هذا الرجل ليس من هيهنا): «Этот человек не отсюда».

Стр. 144: «. . . some in that turn of affairs were through fear distracted from eating» = Manger, II, 66—67: «. . . aliqui isto casu prae metu ab edendo distracti fuerunt». Надо (و بعض تشاغل عن الاكل بالحديث ولهًا): «. . . а некоторые отвлеклись от еды беседой в смущении».

Если так обстоит дело с простыми сравнительно частями текста, то, конечно, еще хуже оно тогда, когда речь касается каких-нибудь художественных образов, литературных или исторических намеков, которыми произведение Ибн 'Арабшāха переполненно до последней степени.

Стр. 135: «. . . in its famous mosque. . . a Persian inscription. . . which I have translated» = Manger, II, 14—15: «. . . in illustri ejus basilica. . . inscriptionem persicam, quam transtuli». Надо (بالجامع ... النورى نقشا ... بالفارسى ما ترجمته): «. . . в мечети Нур ад-дина персидскую надпись, перевод которой таков. . .»

Стр. 3: «. . . and so he acted the part of a fox» = Manger, I, 22—23: «. . . atque ita personum aegit vulpis». Надо (فأشبهت قصّتة قضيّة ثعلبة): «. . . и уподобилась его история случаю с Са'лабой (гассанидским эмиром)».

Стр. 61: «. . . the story of the two brothers and the woman called Zat Alsafa» = = Manger, I, 294—295: «. . . historia de duobus fratribus et femina dicta Dsat Alsapha».

[1] Каирское издание (стр. 111) и поправка Френа дают лучший вариант: المشروع.

Надо (قصّة الاخوين مع ذات الصفا): «. . . история про двух братьев и [змею] жившую в скале». (Имеется в виду известная до-исламская басня.)

Стр. 91: «. . . to reflect their mutual benevolence» = Manger, I, 442—443: «. . . mutua benevolentia sibi solebant respondere». Надо (كانت من باب توارد الخاطر): «. . . представляли случаи совпадения мыслей».

Стр. 137: «. . . a lion. . . not seeking longer life»=Manger, II, 22—23: «. . . leo. . . qui satis vixisse sibi videatur». Надо (اسد...فى كفيّه حيّات): «. . .лев, в лапах которого змеи».

Стр. 143—144: «. . . they could not take him as an associate; for he was by sect, as well in respect of eloquence and poetry a Maliki, and in knowledge of tradition and history an Asmai» = Manger, II, 62—65: «. . . neque enim poterant eum socium sibi adsumere, erat quippe secta, aeque ac eloquentia et poësia Malichaeus, peritia Traditionum et Historiarum Almaeus». Надо (فما وسعهم الاستصحابه[1] معهم وكان مالكى المذهب والمنظر اصمعى الرواية والمخبر): «. . . и им пришлось взять его с собой; был он маликит по толку и по обличью, ал-Асмаӣ по искусству передачи и при непосредственном знакомстве».

Стр. 138: «Each held a quivering spear, at whose shaking the fairest forms would fall, and a sharp sword whose glance was a sign of shedding of blood» = Manger, II, 32—33: «Unicuique erat hasta tremula, ad cujus agitationem staturae speciosissime procumbunt; et gladius acutus, cujus e nictationibus cognoscatur fusio (instans) sanguinis». Надо (مع كل منهم خطار تسجد قدود الملاح لخطراته وبتار يتعلم سفك الدماء من لحظاته): «С каждым из них гибкое [копье], пред гибкостью которого преклоняются станы красавиц, и острый [меч], от мигания которого [взоры красавиц] научаются проливать кровь».

Стр. 142: «. . . and our prayers have been answered» = Manger, II, 52—53: «votique compotes facti sumus». Надо (و المامول قد[2] حصلا): «и на что мы надеялись, произошло».

Последний пример, между прочим, особенно характерен потому, что показывает, как Sanders (вслед за Manger'ом) совершенно не в состоянии выделить стихи из прозаической речи и даже не замечает их наличия. И здесь при отсутствии соответствующей начитанности могла бы помочь простая справка в каирском издании.

Отрицательного впечатления перевода[1] не может смягчить сопровождающий его скудный вспомогательный аппарат. Указатель (стр. 334—341) переполнен недоразумениями, которые ясны по приведенным примерам отношения переводчика к собственным именам. (Беспомощность составителя доходит до того, что имя до-исламского поэта Тааббата Шеррā приводится в форме Taabata Shara и Tabat Shara, как имена двух различных лиц — стр. 340!) В таком виде указатель пользы не приносит, а способен только ввести в заблуждение. Примечания тоже более чем скудны и в свою очередь не лишены элементарных недоразумений (на стр. 320, напр., абиссинский наместник Абраха, предпринимавший легендарный поход на Мекку, смешан с негусом, давшим приют выселившимся в Абиссинию мусульманам). Краткое предисловие (стр. XV—XVIII) носит совершенно поверхностный характер; фактическая сторона и у него далеко не безупречна [Ибн 'Арабшāх называется (стр. XVI) почему-то «formerly secretary of Sultan Ahmed of Bagdad»]. Не совсем точно и указание (ibid.) о том, что Ибн 'Арабшāх «has never before been translated into English». Если сообщение Schnurrer'a (Bibliotheca arabica, стр. 137) о старом английском переводе не подтверждается, то в 1888 г. вышел перевод первой части J. Oliver'a в Индии: упомянут он Brockelmann'ом (II, 707) и имеется в каталоге книг Британского Музея (Supplementary Catalogue of Arabic Printed Books in the British Museum, compiled by A. Fulton and A. G. Ellis. London 1926, 186).

После всего сказанного вывод о работе Sanders'a может быть только один: по своему научному значению она стоит на уровне XVIII в. и не представляет никакого шага вперед сравнительно с латинским переводом Manger'a, который для своей эпохи был, несомненно, серьезным трудом. Невелико и популярное значение книги, так как она переполнена элементарными погрешностями. (Приблизительно к тому же выводу приходят и некоторые из известных мне рецензий. См.: V. M., BSOS, IX, 1937, 237—238; W. Hinz, OLZ, 40, 1937, 629—631; von Grünebaum, WZKM, XLV, 1938, 148—149.)

Таким образом удовлетворительного для нашего времени перевода истории Тимура Ибн 'Арабшāха попрежнему нет и, может быть, из этого следует сделать некоторые выводы именно нам, подумав о переводе его на русский язык. Конечно, в известной мере он привлекался неоднократно нашими учеными (особенно В. В. Бартольдом и А. Ю. Якубовским), однако исследованным в полной мере его считать нельзя, отчасти

---

[1] Каирское издание (стр. 107) и Френ дают верное чтение: الا استصحابه.

[2] В издании Manger'a стоит حصل, но верное чтение дано каирским изданием (стр. 106) и поправкой Френа.

[1] У Sanders'a опущена почему-то заключительная глава Ибн-'Арабшāха (= Manger, II, 960—1003; каирское издание, стр. 244—249).

в связи с особенностями стиля. Между тем, большая часть его книги относится или к событиям, происходившим на территориях, ныне находящихся в пределах Союза ССР, или к лицам, игравшим роль в их жизни. Для научного, критического перевода Ибн 'Арабшāха наши библиотеки располагают всеми необходимыми пособиями. Хотя в Ленинграде имеется только одна неполная рукопись Ибн Арабшāха,[1] но наличие изданий Manger'a и калькуттского и независимых от него каирских избавляет от необходимости обращаться к первой. Кроме того, библиотека Института востоковедения располагает совершенно исключительным вспомогательным материалом: это — принадлежавший Френу экземпляр работы Manger'a. Как видно по приписке на втором томе, книга была ему подарена известным меценатом, канцлером Н. П. Румянцевым (1751—1826), который вообще близко стоял к работам Френа,[2] в 1819 г., т. е. вскоре после его переселения в Петербург. Среди своих многочисленных начинаний Френ, повидимому, думал о критическом издании или переводе Ибн 'Арабшāха.[3] Оба тома он снабдил систематически разночтениями по трем парижским рукописям, приведя точное обозначение их в начале первого тома (I, 5),[4] сделал массу поправок к латинскому переводу, дал ряд объяснений сложных мест. В начале каждого тома на особой странице он поместил перечень тех специфических оборотов и выражений, которые требуют специального исследования. О тщательном отношении его к работе говорит, напр., особая вклейка четырех мелко исписанных страничек (II, 36—37), дающих объяснение специальных терминов метрики, на игре которыми основано описание боя между египетскими мамлюками и монголами. Вообще, этот экземпляр работы Manger'a представляет единственное в своем роде пособие, и пройти мимо него русский переводчик не должен. Нужно, конечно, иметь в виду, что при всех облегчающих обстоятельствах перевод Ибн 'Арабшāха дело очень серьезное: оно требует некоторой осведомленности в истории тех стран, где действие происходит, и очень основательной начитанности в арабской литературе. Никаких следов ни той, ни другой в переводе Sanders'a не заметно, и подражать ему не следует.

Май 1937 г. *И. Крачковский*

[1] Рукопись находится в библиотеке университета (0.434, ср. Indices, стр. 36), куда была передана из Ришельевского лицея в Одессе: она содержит только первую часть, писана вероятно в начале XIX в. и для текстуальной критики интереса не представляет.

[2] См.; напр., Русский биографический словарь, Фабер—Цявловский (СПб., 1901, 227—228) и Романова—Рясовский (Пгр., 1918, 514).

[3] Интересно отметить, что в начале XIX в. над Ибн 'Арабшāхом работал и финский ученый C. G. Sjöstedt (1799—1834). См.: Edv. Stenij. Studia orientalia. I. Helsingfors, 1925, 273.

[4] Едва ли сличение было произведено непосредственно им самим: материалы по Ибн 'Арабшāху находились в рукописях Schultens'a (ср. Manger, I, IX, XI), Reiske (ср. Schnurrer, Bibliotheca arabica, 136) и других ученых (ср. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen, 22); он мог воспользоваться ими благодаря своему учителю Tychsen'y.

Abū Bakr Muḥammad b. Jahyā aṣ-Ṣūlī. **Kitāb al-Awrāk** (Section on Contemporary Poets). Edited by J. Heyworth Dunne, London, 1934, 8° 12, 256, 16 стр.

Abū Bakr Muḥammad b. Yahyā aṣ-Ṣūlī. **Akhbār ar-Rādī wal-Muttaḳī from the Kitāb al-Awrāk**. Arabic text edited by J. Heyworth Dunne, London, 1935, 8°, 14, 308 стр.

К числу авторов, открытие и исследование которых в значительной мере обязано нашей науке, принадлежит известный историк и литератор аc-Ṣūлī. Умерший в 946 г., он является современником знаменитого ат-Ṭабари и представляет особый интерес еще потому, что основную часть своей истории он посвятил событиям, связанным с его жизнью, и эпохе двух предшествующих поколений. Первый том, который стал известен европейской науке, был идентифицирован В. Р. Розеном по анонимному экземпляру ханыковского собрания в Публичной библиотеке: он привлек его к изданию редактированной им части ат-Ṭабарī, переписал полностью (ИАН, 1918, 1334—1335, № 41) и предполагал когда-либо опубликовать. Впоследствии В. В. Бартольд обратил внимание на рукопись ас-Ṣūлī в Каире, А. Е. Крымский издал по ней значительный отрывок, я сам после ряда связанных с ним статей подвел (в Enzyklopaedie des Islam, IV, 586—587) некоторый итог известиям о нем и постарался суммировать данные о рукописях сохранившихся его произведений. Таким образом в изучении этого автора наша наука сделала довольно много; в издании его произведений Запад за последние годы нас опередил, и останется ли за нами намеченное опубликование определенной В. Р. Розеном рукописи Публичной библиотеки, теперь становится не ясным.

Издание этого основного исторического труда аc-Ṣūлī Китāб ал-аурак предпринял английский ориенталист J. Heyworth Dunne, имевший возможность ряд лет провести в Египте, в связи с чем стоит, вероятно, чисто арабская внешность его издания, отпечатанного в Каире. И предисловие и незначительный критический аппарат даны

исключительно по-арабски; первое местами, быть может, в слишком приподнятых риторически тонах.

В 1934 г. Heyworth Dunne издал по каирской рукописи том из литературной части, посвященной поэтам начала аббасидской династии. Частично он был уже известен по изданному А. Е. Крымским отрывку (о чем издатель в предисловии не упомянул); по содержанию он, пожалуй, наименее интересен, так как историческая часть сведена до минимума и даются преимущественно извлечения из поэтов, в большинстве случаев не первого ранга.

В противоположность этому следующий том, изданный в 1935 г., является едва ли не наиболее ценным во всей исторической части труда, так как захватывает период, современный автору, и кончает изложение только за два года до его смерти. Издан том по рукописи, находящейся в Стамбуле и впервые отмеченной Rescher'ом; издатель пользовался каирской фотографией с нее. Второй экземпляр, повидимому копия стамбульской рукописи, находится в Парижской национальной библиотеке и систематически привлекался A. Mez'ом в его известном труде «Die Renaissance des Islam». Издатель в предисловии не упомянул парижской рукописи, и вопрос об их соотношении остается открытым.

Том захватывает период халифата ар-Рāдӣ и ал-Муттаḳӣ (934—944 гг.). Первый был учеником аṣ-Ṣӯлӣ; он остался близким ему лицом и после занятия халифского трона. Понятно, что автор уделяет ему особое внимание, в частности подчеркивая его литературное и поэтическое дарование. Он даже включает в изложение небольшой диван его стихотворений в алфавитном порядке. При его преемнике аṣ-Ṣӯлӣ впал в некоторую опалу и должен был отойти от придворной жизни, что, как увидим сейчас, его изложению послужило только на пользу.

В основном, аṣ-Ṣӯлӣ был придворным литератором и это, конечно, не могло не наложить особого отпечатка на его историю. С одной стороны, это — хроника придворной жизни, очень подробная и точная, писанная человеком, который близко принимал в ней участие, дающая ясную картину всего этого узкого и тепличного быта. Здесь видна и официальная, показная часть — приемы послов, торжественные аудиенции, собрания с поэтами в официальные праздники. В таких же деталях аṣ-Ṣӯлӣ раскрывает и каждодневную жизнь халифов со всем их времяпрепровождением, литературными развлечениями, пирушками и неизбежными гаремными интригами. Картина получается по-своему живая и едва ли кем-нибудь из официальных историков в такой полноте представленная.

Замкнуться в придворной жизни, однако, аṣ-Ṣӯлӣ не может; период для этого был слишком беспокойный. Его хроника дает, с другой стороны, такую же яркую картину всей жизни халифата в деталях, сразу помогающих нам почувствовать дыхание эпохи. Для высших слоев жизнь шла далеко неспокойно: сам халиф часто покидал Багдад и вольно и невольно, чтобы спастись от слишком явно прорывавшихся чувств населения. Для халифата уже наступил период анархии: фактическая власть была в руках войсковых отрядов, враждовавших между собою, главным образом, турок и дейлемитов. Постоянной угрозой тяготело широко раскинувшееся карматское движение, поддерживаемое обширными кругами недовольных. Постоянная смена администрации говорила о ее бессилии; банкиры, игравшие большую роль в халифате, подвергались систематическим конфискациям, не улучшавшим, конечно, положения. Высшим следовали низшие: уличные грабежи в Багдаде и разбойные нападения на дома были обычным явлением. Вся эта пестрая и бурлящая жизнь отражается в непосредственном рассказе аṣ-Ṣулӣ с такой же яркостью, как и придворный быт. Для историка здесь найдется немало новых фактов и много живых иллюстраций к бледным иногда сообщениям историков.

На фоне этой картины отчетливо вырисовывается фигура самого автора, фигура мало привлекательная, как об этом можно было судить по некоторым черточкам, сохраненным его биографией. Типичный придворный, превзошедший все тайны дворцовых интриг и, вероятно, сам принимавший в них участие, как литератор он отличается громадной дозой хвастовства, откровенно выражаемого на страницах его книги. Главную цель своих произведений, особенно поэтических, он видел в добывании разнообразных подачек, с особенным недовольством отмечая те случаи, когда его преувеличенные надежды не оправдались. Сберечь накопленное таким образом достояние ему не удалось, и последние годы его жизни прошли в лишениях. Помимо того, что он оказался в опале и, следовательно, лишился основного источника дохода, он дважды испытал на себе непосредственные результаты анархии: дом его дважды был разграблен. Рассказ об этом, не лишенный известного драматизма в изложении автора, представляет (стр. 210, 1—212, 4; 217, 18—219, 5) образчик тех живых картин, в которых особая ценность его истории.

Вообще, в его изложении в этом томе всюду отражается несомненный дар рассказчика. Язык его всегда остается живым и непринужденным; иногда, быть может, чувствуется некоторая многословность увлекающегося своей собственной речью автора, но за ним нельзя отрицать большой свободы изложения. В этом смысле его труд не только историческое, но и литературное произведение: некоторые страницы его просятся в хрестоматию образцов стиля.

Издание снабжено указателем собственных имен; автор старался установить проверенный текст, особенно в поэтических

частях. Тем не менее назвать его критическим в полной мере нельзя: издатель почти не привлекал параллелей из других источников, а дать удовлетворительный текст на основе одной, не везде одинаково авторитетной, рукописи, далеко не всегда возможно. Многочисленные рецензии на издание J. Heyworth Dunne показывают, что при более углубленной проработке текста в него могут быть внесены различные поправки. Несмотря на такие детали, его работа, конечно, дает вполне надежную основу для исторического изучения. Исследователи будут особенно благодарны издателю за то, что он так быстро после первого тома сделал доступным для всех интересующихся второй. Надо приветствовать и намерение издателя по завершении всей серии дать специальную монографию об авторе. Аṣ-Ṣūlī этого вполне заслуживает как крупный и достаточно оригинальный представитель цветущего периода арабской литературы.[1]

И. Крачковский

Август 1936 г.

Н. К. Дмитриев. **Строй турецкого языка.** Серия «Строй языков» под общей редакцией А. П. Рифтина. Выпуск одиннадцатый, изд. ЛГУ, 1939, стр. 60. Цена 2 руб.

В предисловии редакции к первым выпускам серии «Строй языков» указывается: «Решение печатать эту серию очерков ряда языков в их строе вызывается двумя основными соображениями. Прежде всего эти работы, заключая в себе в сжатом виде большой материал по основным языковым разделам и давая важнейшую библиографию, могут служит кратким введением к более серьезному изучению данного языка».[2] Кроме того, серия имеет «своей задачей вскрыть как можно полнее все структурное своеобразие каждого данного языка» (там же).

Дать краткое изложение строя турецкого языка и в то же время вскрыть «все структурное своеобразие» его — задача столь же почетная, сколько и ответственная, которая еще осложняется тем, что «особое внимание во всех выпусках (думаем, что это касается и одиннадцатого. — *А. К.*) будет уделяться синтаксису, в частности, формам предложения» (там же). Кроме того, по мысли редакции, серия предназначена не столько для специалистов по каждому данному языку, сколько для специалистов по общему языкознанию или по другим языкам.

[1] Уже после сдачи в редакцию настоящей рецензии появился третий том, посвященный «стихам детей халифов и рассказам про них»; быть может, обстоятельства позволят нам еще вернуться к нему.

[2] В рецензируемом выпуске это предисловие отсутствует; думаем, что основные цели и задачи и в одиннадцатом выпуске остались без изменения.

Это обстоятельство, на ряду с изложенными выше, налагает на автора особые обязательства.

«Строй турецкого языка» состоит из следующих разделов: 1) Введение (стр. 3—7), 2) Фонетика (7—16), 3) Лексика и семантика (16—23), 4) Морфология (23—48), 5) Синтаксис (48—59), 6) Приложение[1] (59—60), 7) Литература (60).

Выше мы отметили, что задача перед автором «Строя турецкого языка» (как и перед авторами других выпусков этой серии) стояла чрезвычайно трудная. В рецензируемой работе читатель найдет освещение ряда интересных, мало разработанных в туркологической литературе вопросов.

Н. К. Дмитриев на ряде примеров, с вполне убедительными комментариями, доказывает, что некоторые факты современного турецкого языка «ставят под сомнение тезис о незыблемости корня, который настойчиво выдвигали старые турецкие грамматики» (стр. 13). К числу фактов, подтверждающих это положение, автором привлекаются: «протеза, редукция гласных в связи с ударением, чередование глухих и звонких и т. д.» (стр. 15).

Тонкие наблюдения проведены автором в вопросе об ударении. Роль ударения, как фактора морфологической дифференциации, разработана Н. К. Дмитриевым очень подробно. Автор насчитывает девять случаев, когда ударение выступает как фактор морфологической дифференциации. Все эти факты так или иначе отмечались в туркологической литературе, но заслуга Н. К. Дмитриева состоит в том, что он изложил их в определенной системе.

Автор, указывая (стр. 9), что принцип губного притяжения (в законе гармонии гласных) «осуществляется одновременно с принципом нёбного притяжения», делает вполне законный вывод, игнорируемый другими туркологами, что «говорить о нёбном и губном притяжении, как об отдельно действующих процессах, нельзя, а следует иметь в виду единое нёбно-губное притяжение».

С большим интересом читается глава «Лексика и семантика» (стр. 16—23), где довольно подробно (при учете объема всей работы) разбирается состав турецкого словаря в иноязычной его части, а также история и источники заимствований, что особенно ценно, так как сводной работы по этому вопросу пока еще нет.

К числу мало разработанных вопросов турецкой грамматики относится также вопрос о категории определенности и неопределенности.[2] Автор в двух местах своей

[1] Отрывок из стихотворения в прозе Джеляль Сахира в дословном и литературном переводах.

[2] Этот вопрос частично затрагивается лишь в работе Т. Ковальского (T. Kowalski) «Zur semantischen Funktion des Pluralsuffixes -lar, -lär in den Turksprachen» (Kraków, 1936, 8°, 32).